

МИМОЕЗДОМ

Отрывок

...Ехавши как-то из деревни в Москву, я остановился дни на два в одном губернском городе. На другое утро явилась ко мне жена одного крестьянина из нашей вотчины, который торговал тут. Она была в отчаянии: муж ее сидел шестой месяц в остроге, и до нее дошел слух, что его скоро накажут. Я расспросил дело; никакой важности в Преступлении его не было.

Я знавал когда-то товарища председателя, честнейшего человека в мире и большого оригинала; отправляюсь прямо к нему в уголовную Палату; присутствие еще не начиналось; мой старичок, с своим добродушным лицом и с синими очками на глазах, сидел один-одинехонек, читая страшной толщины дело. Мы с ним не видались года три, он обрадовался мне, и я ему обрадовался, не потому, чтобы мы друг друга особенно любили, а потому, что человек всегда радуется, когда увидит знакомые черты после долгого отсутствия. Я сказал ему о причинах моего появления. Он велел подать дело; резолюция была подготовлена, я попросил его обратить внимание на некоторые "облегчающие обстоятельства", он согласился в возможности уменьшить наказание.

Поблагодаривши его, я не мог удержаться, чтобы не сказать ему, дружески взявши его за руку:

- Владимир Яковлевич, ну, а если б я не пришел да не. попросил бы вас перечитать дело, мужика-то бы наказали строже, нежели надобно.

- Что делать, батюшка, - отвечал старик, поднимая свои синие очки на лоб, - совесть у меня чиста; я, не читавши всего дела, никогда не подпишу протокола, но, признаюсь, как огня боюсь отыскивать облегчающие причины.

- Ну, вас нельзя обвинить ни в снисхождении, ни в особом желании облегчить участь подсудимого.

- Совсем напротив. Я двадцатый год служу в этой палате, а всякий раз как придется подписывать строгий приговор, так мурашки по телу пробегают.

- Так отчего же вы не любите облегчающих обстоятельств?

- Ведут далеко, вот что; право, вы, нынешние, все только вершки хватаете - ну, ведь вы, чай, служили там где-нибудь в министерстве, а дела, наверно, в руки не брали; но вам оно все темная грамота. Не хотите ли позаняться у нас в архиве, прочтите дела хоть за два последние года, вперед пригодится, и судопроизводство узнаете, и людей тоже. Тут и поймете, что такое отыскивать оправдания и куда это ведет.

- Благодарю за доброе предложение, однако прежде, нежели я перееду в ваш архив на несколько месяцев, - скорее не прочтешь двух полков, - объясните теперь еще более непонятное для меня отвращение ваше от облегчающих обстоятельств. Хлопот, что ли, много, времени недостает рыться в каждом деле?

- Господи, прости мои прегрешения, да что я, батюшка, в ваших глазах турка или якобинец какой, что из лени (заметьте, якобинцев во всем обвиняли прежде, но исключительно Владимиру Яковлевичу принадлежит честь обвинения их в лени) стану усугублять участь несчастного; говорю вам - далеко поведет.

- Воля ваша, я готов согласиться, что я непростительно туп, но не понимаю вас.

- О... о... ох, эти мне петербургские чиновнику портфельчик эдакий сафьянный с золотым замочком под мышкой, а плохие дельцы. Да помилуйте, возьмите любое дело да начните отыскивать облегчающие обстоятельства, от одного к другому, от другого к третьему, так к концу-то и выйдет, что виноватого вовсе нет. Что же за порядки?

- Тем лучше.

- Так это, по-вашему, за все по головке гладить. Это где-нибудь в Филадельфии хорошо, где люди друг друга едят, как же в благоустроенном обществе виноватого не наказывать?

- Да какой же 0й виноватый;;, когда вы сами найдете ему оправдание?

- Ну, да эдак и всякого оправдаешь, коли дать волю мудрованиям. Я разве затем тут посажен? Я старого покров человека, мое дело - буквальное исполнение, да и так нехорошо - ну, как же, видишь, что человек украл, вор есть, а тут пойдет... да он от голоду украл, да мать больна, да отец умер, когда ему было три года, он по миру с тех пор ходил, привык бродяжничать... и конца нет; так вора и оставить без наказания? Нет, батюшка, собственное